

Литературная газета

Орган Отдела литературы и искусства
Советских писателей СССР и РСФСР

№ 104 (420)

17 АВГУСТА 1934 ГОДА

Цена 20 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СЕГОДНЯ ОТКРЫВАЕТСЯ

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ГРАВЮРА НА ДЕРЕВЕ А. КРАВЧЕНКО

ТОВ. ЛЕНИН ТАК ОПРЕДЕЛИЛ
ЗАДАЧИ ИСКУССТВА:

Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно обединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их.

ТОВ. СТАЛИН ТАК ОПРЕДЕЛИЛ
РОЛЬ ПИСАТЕЛЕЙ:

Есть и весьма нужны социалистическому строительству инженеры-металлурги, инженеры-строители, инженеры-электрики. Нам нужны инженеры, которые строят дома, нужны инженеры, которые строят автомобили, тракторы. Но нам не меньше нужны инженеры, которые строят человеческие души; вы, писатели, инженеры, строящие человеческие души.

ПОД ЗНАМЕНЕМ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ,
ПОД РУКОВОДСТВОМ ЛЕНИНСКОГО ЦК И ВЕЛИКОГО СТАЛИНА—
ВПЕРЕД, К НОВЫМ ПОБЕДАМ!

Великая партия большевиков создала, организовала, выдвинула нашу замечательную литературу, работники которой собираются сегодня на свой исторический съезд. К ней, к этой партии, к нашему любимому Сталину обращены сегодня с любовью и надеждой взоры всех советских писателей, как и миллионов трудящихся, как и всего лучшего, что живет на земле.

Большевики разбудили творческие силы трудящихся и выдвинули из их среды десятки и сотни талантов, которые сейчас создают социалистическую литературу.

Большевики пришли в литературу из революционного подполья, с фронтов гражданской войны, с фабрик и полей. Они встали в первые ряды борцов за ту новую, свободную литературу, основные черты которой начертал гений Ленина. Они создали пролетарскую литературу, над самой идеей которой издевались контрреволюционеры и ренегаты всех мастей с Троцким во главе. Но сегодня уже никто не сможет отрицать ведущего значения и творческой силы коммунистического отряда писателей, запечатлевшего идеи и дела революции в ряде полновесных художественных произведений.

Большевики открыли перед писателями, вышедшими из среды интеллигенции, такой богатый мир идей и дел, навстречу которому не мог не потянуться подлинный художник. На смену «жрецу», равнодушному и самовлюбленному, в нашей стране идет тип писателя—работника социалистической литературы, строителя новой жизни. Слова социалистическая родина стали самыми дорогими для наших художников. Все теснее и теснее сплачиваются писатели вокруг партии.

Великий Сталин вдохновляет их творчество.

Имя т. Сталина—могучего кормчего мировой социалистической революции—особенно родное и близкое для писателей. Заботам т. Сталина, его личным указаниям, его помощи обязана советская литература своим расцветом, а многие писатели—своими творческими биографиями.

Нет такого участка социалистического строительства, нет такой области идеологии, культуры, где бы не сказывалось руководство т. Сталина. Советские писатели могут с полным правом называть великого Сталина своим лучшим другом и руководителем.

По инициативе т. Сталина было принято решение о перестройке литературно-художественных организаций, изменившие формы и методы литературной работы, исходившие из блестящей оценки классовой обстановки в стране и изменений в среде интеллигенции.

Но не только политическим воспитанием, не только организационными мероприятиями обязаны советские писатели партии и т. Сталину.

Тов. Сталин дал писателям основные творческие задачи, он светом революционной теории осветил их творческую практику. Тов. Сталин дал гениальное определение метода социалистического реализма. Он повернул писателей лицом к драматургии как к самой массовой и действительной форме искусства. Он поставил перед писателями величайшую задачу: быть инженерами человеческих душ.

Каждый день и каждый час чувствует наша литература руку своего великого, любимого друга. И поэтому с каждым днем искусство наше становится все более замечательным.

В день открытия съезда—наша первая мысль, наше первое слово о нем, гениальном вожде мирового пролетариата, великом мыслителе, другом, любимом человеке.

Да здравствует Сталин!

Каждый день и каждый час чувствует наша литература руку своего великого, любимого друга. И поэтому с каждым днем искусство наше становится все более замечательным.

В день открытия съезда—наша первая мысль, наше первое слово о нем, гениальном вожде мирового пролетариата, великом мыслителе, другом, любимом человеке.

Да здравствует Сталин!

Каждый день и каждый час чувствует наша литература руку своего великого, любимого друга. И поэтому с каждым днем искусство наше становится все более замечательным.

Да здравствует Сталин!

Сегодня с трибуны Колонного зала Дома союзов великий пролетарский писатель А. М. Горький произнес доклад о советской литературе. Этим докладом начнутся работы исторического съезда, за которым будут с величайшим вниманием следить миллионы людей.

Весь мир услышит голоса литературных представителей рабочего класса, создающего большое социалистическое искусство, основанное на единственно разумных, единственно прогрессивных, подлинно великих идеях марксизма-ленинизма, идей большевистской партии.

Как глубока пропасть между миром капитализма и миром социализма, между литературой буржуазной и литературой социалистической!

«Да здравствует сумасшедшие и трусы, смерть и темнота!»—восклицают герои буржуазных писателей, впадших в отчаяние, прозревших всю мерзость и грязь капитализма, но не вышедших еще единственно правильного выхода из тупика.

«Самое лучшее в этом мире, не правда ли, это уйти из него!»—говорят герои писателей типа Селина.

Но с вышки первого всесоюзного съезда советских писателей литературные представители пролетариата и его партии бросают пламенные, яркие, полные жизни, бодрости, неслыханной силы, стальной энергии, полные действенной силы лозунги:

«Да здравствует жизнь, революционная храбрость, смелость, человеческий разум, большевизм, организующий прекрасную жизнь всеобщим развитием социалистических людей!».

Страницы десятков замечательных и хороших произведений советских писателей, о которых сегодня будет говорить Горький, пропитаны величайшими прогрессивными идеями, принципами, возбуждающими сотни тысяч и миллионы людей, организующими новые коммунистические, жизнелюбивые чувства, нравы, понятия, вкусы, раскрывающие перед человечеством широчайшие светлые горизонты.

Советская литература—огромная сила, влияние которой, без преувеличения, распространяется на весь мир.

Шестнадцать лет, пройденные нашей литературой, составляют ее красочную и героическую историю.

Борьба пролетариата царской России за власть, период восстановления хозяйства, легендарные годы первой и второй пятилеток нашли свое отражение в художественной литературе.

Гражданская война. Со всех сторон окруженная империалистами советская Россия борется за сохранение диктатуры пролетариата. Сказочные годы массового героизма, нечеловеческой храбрости, ленинской преданности делу коммунизма. Почти по следам этих героических лет писатели-коммунисты, бойцы создают блестящую литературу, отражающую историческую борьбу рабочих, бедняков, воевавшую в железный фронт мирового искусства.

Годы хозяйственного строительства, реконструкция, пятилетка. Первый период социализма. Годы формирования нового отношения к труду, массового порождения коммунистического сознания.

Эпоха Сталина. Гигантская эпоха, рожающая героев. Героические полеты в стратосферу, эпопея «Челюскин».

Советская литература, несмотря на свое отставание от бурно прогрессирующей жизни, создает десятки хороших произведений. Писатели и поэты воспевают новую жизнь, новых людей.

Наша литература дает при всех своих недостатках художественную историю удального социалистического труда, историю появления новой передовой индустриальной страны, историю рождения нового типа социалистических работников.

Советские писатели написали ряд произведений, с большой силой отражающих героические годы дисциплины, качества и социалистической организации сельского хозяйства.

Многочисленное количество драм, исторических произведений, поэм и стихов заслуженных и молодых писателей, формирование нового исторического стиля литературы, новые черты искусства социалистического реализма—это о чем докладывать всему миру вождю советской литературы и другим докладчикам съезда, есть чем гордиться пролетариату, создающему

новое искусство под руководством ленинской партии, под непосредственным руководством великого Сталина.

Советские писатели возмужали, прекрасные знания литературы—путеводителем им, ярким маяком им служат произведения, идеи Горького, этого замечательного человека и художника.

Сила советской литературы в ее органической связи с коммунистической партией, в подлинно дружеской и революционной связи писателей с революционной партией коммунистов; только на основе выполнения исторического постановления ЦК ВКП(б) о литературе, указавшего ошибочные позиции б. РАПП и определявшего подлинные пути развития литературы, советские писатели добились таких огромных успехов и своими произведениями привлекают внимание людей не только Союза советом, но и далеко за границами его.

Советской литературе шестнадцать лет. Всесоюзный съезд является праздником ее юности и большевистской мудрости. Лучшие писатели капиталистического лагера Запада и Востока обращают взоры в ее сторону,

добровольно и сознательно выбирают ее в свои идейные руководители и перед всем миром выставляют ее в качестве подлинно жизненной и прогрессивной литературы.

Советские художники знают себя как передовой отряд международной революционной литературы, понимают свою ответственность и в дни своего съезда заявляют революционным писателям Запада и Востока:

«Мы приветствуем вас, братья по революции, мы видим в вас, в ваших революционных произведениях силу, взрывающую капиталистический мир, приближающую пролетарскую революцию и эпоху бесклассового общества».

Мы приветствуем вас как сотоварищей по революционной литературе и желаем вам много сил, бодрости, энергии, веры в свое дело, в непоколебимость идей коммунизма».

Наша эпоха, наши люди собрали и сконцентрировали в себе всю силу, всю техническую и культурную мощь, всю энергию человеческого разума, все достижения исторического развития человечества и бросили эту огромную, никем непобедимую силу на борьбу с капиталистическим строем за новые, социалистические общественные отношения.

Социалистическая эпоха, социалистические люди создают литературу по образу и подобию своему.

Героическая эпоха порождает героическую литературу, героические люди создают героических художников.

Первый всесоюзный съезд писателей съездом больших революционных страстей, глубоких идей, великих стремлений и порывов.

Горький привет мастерам слова—литературным представителям героического пролетариата!

Под знаменем Ленина и Сталина, во главе с величайшим пролетарским художником слова Алексеем Максимовичем Горьким приходим мы к съезду социалистической литературы.

Во главе с Горьким—это звучит гордо. Имя Горького известно десяткам и сотням миллионов. С ним неразрывно связана история революционного пролетарского искусства, его настоящее, его будущее.

Не хочется сегодня уходить в историю. Пусть Горького известен всем.

Горький—сегодня, Горький—руководитель советской литературы, старший друг и товарищ для каждого писателя—от автора «Поднятой целины» до написавшего первый рассказ рабочего-паренька. Горький—борец за социалистическую культуру, инициатор бесчисленных изданий и замечательных учреждений, борющийся с всякой пошлостью, буржуазной индивидуалистической мерзостью—вот о чем хочется сказать.

Работать и жить, как Горький, вот к чему хочется призвать. Простая, великая жизнь, гигантский труд!

Горький—подлинный руководитель и друг советских писателей и неутомимый боец против классового врага—мещанина в литературе. Советским писателям он оказывает величайшую любовную поддержку, воспитывает их, критикует, помогает, поднимает на высокий уровень художественного мастерства.

Сумеете, как Горький, помогать десяткам и сотням молодых товарищей, не оставляя ни один вопрос без ответа, самому спрашивать, толкать, будить. Сумеете, как он, находить все новые формы для развивания творческой инициативы масс, найдет такое замечательное выражение в движении «История заводов», «История гражданской войны», в писательском коллективе и т. д.

С необычайной легкостью раздают многие наши критики «паспорта» писателям: хороший, плохой, гениальный, бездарный. Сумеете, как Горький, определить, что плохо и что хорошо, как хорошее развить, а плохое уничтожить. Легко поставить на книге: редактор (или рек). Сумеете, как Горький, пройти по каждой страничке рукописи, убедить писателя переработать ее и показать как. Сотни писателей получали ободряющие и вдохновляющие письма Горького, тысячи рукописей проредактированы им с тщательностью и любовью.

Учитесь, товарищи писатели, всему этому у Горького. Учитесь его великому реалистическому искусству, его работе над словом, над образом, его страстности в борьбе за качество социалистической литературы.

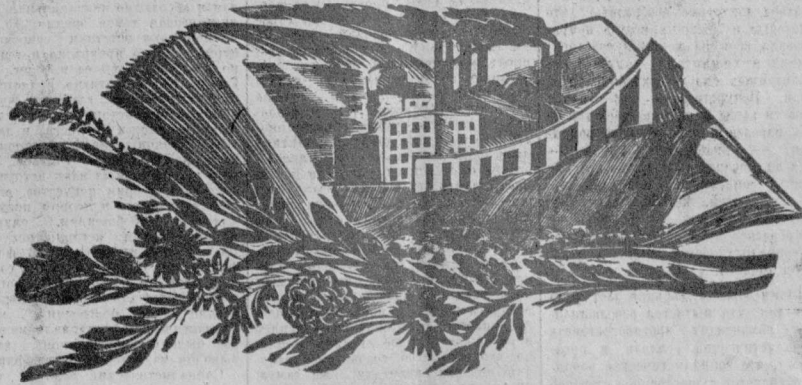
Прочно войдет в историю нашей литературной жизни борьба Горького за качество, за особую страстность развернутой им в последние время. Разве можно представить себе нашу литературную сегодня без этой неукротимой горьковской борьбы «не выходя из лица».

И в это же время, несмотря на колоссальный лагерь работы Горького, который как будто бы не оставляет физического времени для творчества, продолжает жить и расти великое искусство Горького.

Умейте, как Горький, работать и жить. Будете, как он, связаны с рабочим классом, с делом социализма, с великой партией Ленина—Сталина.

В день открытия съезда—наше второе слово о нем, величайшем пролетарском художнике, нашем учителе и старшем товарище. Мы горды тем, что он во главе нас, что он с нами

Да здравствует Горький!

И именно исходя из них дано в важнейшем документе советской литературы — в уставе Союза писателей известное определение социалистиче-

СЛИЯНИЕ БОЛЬШОЙ ИДЕИНОЙ ГЛУБИНЫ С ШЕКСПИРОВСКОЙ ЖИВОСТЬЮ—ЗАДАЧА СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

СМЕХ В ТЕАТРЕ

Владимир Луговской

Из второй книги „Жизнь“

1

Светало над Москвой. Была весна. Бледнели, морщи и скрывались звезды. На вывеске, в бесцветной глубине Обозначались буквы. Сторож харкнул. Телеса прегрелась, вышел ветер. По милобам приземистых лавозов Пошли коты.

Светало над Москвой. Я хочу Девятилетним быть. Смотри, синев. Окно раскрыто. Вписанный в квадрат, Сидит, согнувшись, маленький художник Он говорит, но я не слышу слов, Он призрачен, как дым от папиросы, И над его похматой головой Звенят клепки лавозные волны Необычайной северной весны. Вокруг бьются, спорят, хлопочут чай, Шумят в три корабля, читают Блока. Устали. Замолкли. Тишина. На жестяном карнизе ходит голубь, Заря вздымает розовые тучи, Кремль полыхает жаром золотым. Все было в будущем. И вот моя рука С короткими ногтями, с темной кожей. Она живет своей отдельной жизнью — Бием пульса, отмирающим клеток. Двенадцать лет тому назад она Была разжата, и пролетный ветер Садился на раскисшую плоть. Мы шли с тобой по набережным сизым. Ты умерла. Да будет над тобой, Над именем твоим и над забвением Сухая ветвь моих сухих стихов. Но я беру сверкающее слово, Чтобы возникли шум и движенье И юный холод утрених бульваров, Но я тебе протягиваю руку С короткими ногтями, с темной кожей. Возьми же — и дасть тысяч мыслей. Пересекит существе пространство, Две призмы сойдут углами света И низкий голос скажет —

«Посмотрите, Как эти тучи над Москвой похожи На будущее наши города!» И мимо нас проедет сонный изнан, В помятой шпалье, с желтой папиросой, Поисковой нем зловещей хваткой. Москва низка, обнесена церквами, Улицы подражают ватным замкам, Колеса кружатся. Благоветят в церквах.

2

Где легкий взор твой, где пушинки сна? Глаза смыкаются. Летучий пух деревьев Скопится по комнате. А солнце — вот оно. Толчками движется среди ветвей шипящих Я не пророк. Пророком мне не было. Ширококрылый стан, большое тело Обнажены перед тобой, стоишь Весенний сад. Ты разглядываешь. Ты низвергаешь зеленым водопадом На молодость мою, на злые плечи, На рыжеватый и курчавый пах. Земля, земля, опять ты расстелилась У золотых подожке мальчугана. Нем будет он — судьба его не знала: Он в первый раз расстелил и запомнил Спиральное движение мира. Его терзали похоть и стыдливость, Он нахлебался грубой силой жизни, Пророческие сны его томил, Я не пророк. Пророком мне не было. На яростная сила ожидаль! Через года, через победы и беды, По самому жестокому пути Ведет меня к распаду спов привычных, Спящему, как взрыв снарядных складов. Он близок. День. Ты. Сердце. Мне не лжешь.

Рис. Ю. Гуревича

Ю. ЮЗОВСКИЙ

против всех, где каждый видел в «близком» волка. Сейчас теплота и дружба выходят за пределы «семейного круга», теплота и дружба рождаются на строительстве, в бригаде, в цеху, в учреждении, на предприятии, в коллективе, где люди объединены единой волей и целью. И отношения между ними — не отношения собственников и индивидуалистов, а социалистические отношения. И вот дух этих отношений начинают выражать наши пьесы.

Советская драматургия по сравнению с прошлой драмой обладает тем преимуществом, что элемент труда, деятельности, практического созидательного начала входит в драму как ее содержание, как ее драматическое качество. Герои пьес — деловые, творческие, созидательные люди. Освоение науки и техники, работа в лабораториях, исследования в научных институтах, широкая волна изобретательства, могучая тата к учебе, богатая умственная деятельность составляют основное содержание жизни наших героев. Это не качество, которое приобретает советская пьеса, а новое качество, в котором воплотилась советская драма.

Социализм в СССР забирается в самые отдаленные закоулки действительности. Он глубоко входит в быт. В личную жизнь. Социализм не есть, как это часто изображалось на сцене, оторванное, отвлеченное героическое, возвышающееся на пышестве, торжественное действо. Социализм стал «близким», «обычным». Это каждодневное естественное ощущение. Он определяет судьбы, мысли, цели. Слова «уларник», «герой труда» стали нарицательными. «Божья куртка» — так можно назвать новую форму в нашей драматургии. Герой был закован в броню этой куртки, которая часто не позволяла видеть его обычных человеческих свойств, его обычного телесного тела. Он был отвлеченным. Он «свита». Он был одно четвертое измерение. Он был перелогот, риторическим знаком. Сейчас советская драматургия как бы хочет сказать:

«Вы хотите знать, кто такой селитинский герой, строитель пятилетки, борец коммунизма? Вот он — «обыкновенный человек». Это вы, это он, это я, это мы с вами. Он ест, спит, любит женщину, рождает детей, работает у станка, составляет планы, чертит, борется за повышение урожайности в колхозе, выступает с докладами, ругается, управляет. Драматургия пытается дать «близкую» квалификацию социалистического человека, но близкую в лучшем смысле этого слова, когда реализм и романтика, каждодневная практика и пафос строительства составляют единый героический сплав. В старой драме так называемая теплота, уют, дружба господствовали обычно в пределах «привычного семейного круга», за пределами которого свирепствовал страшный мир вражды, звериной конкуренции всех

ит задача раскрыть средствами драмы социалистические образы, иначе о каких же героях нашего времени мы можем говорить? Что такое ярость, правдолюбие, убежденность, живость? Это прежде всего черты, общности, привычки, стиль поведения человека, которые принципиально отличают его от человека капиталистического мира, от героя старой драмы. В том, что мертвые, казалось бы, вещи — уборочная машина в руках уларника-колхозника, лавочные трудовые процессы в руках Никиты Хрущева, спасение людей в руках Молокова и т. д. (эти примеры бесконечны) — приобретают новый вид, новое качество, новый смысл, новое значение — в этом и только в этом основная суть социалистического реализма. И задача художника социалистически раскрыть эти вещи, эти трудовые процессы, эту героичность. Сошлюсь на собственный опыт одной ошибки, которая чрезвычайно ярко показывает, что такое социалистическое раскрытие. В пьесе «Мой друг» у меня Гай обманывает «судовождение» и парком. Ситуация, такая, что тут нет ни личной заинтересованности, ни тем более отчужденности, даже по вине друзей, весьма корыстных людей, герою приходится идти на обман. У меня были очень близкие цели. «Вот как хорошо получается: прекрасный коммунист, человек большой чести, ради строительства идет на обман». И это получалось остро, интересно, эффектно. Но я забыл, что я знал обычную и довольно-таки банальную коллизию буржуазного бесчестия, на старый шаблон я положил только новую краску, оттого своего неопытного рисунка шаблон не замечал.

Это очень тонкие вещи и в особенности в драме, где малейшая деталь, ничтожная изюминка, одно слово дают неожиданные реплики, слышны, провалы. Коллизия, столкновение, небольшая «близкая» поворот, бессознательно выходящий из прошлого в виде неясной формы, мне в результате дали то, что и есть не социалистическое раскрытие, что противостоит социалистическому реализму.

Мы с собой форму «социалистический реализм» пытаемся принять, принцип, как-нибудь приписать, пощипать форму. Суя по тому, что приходится читать, люди занимают только тем, что формулируют социалистический реализм. Возникает какой-то книжный, логический стиль. На этой почве происходит какое-то теоретическое ссоры, например, по поводу Гете и социалистического реализма, которые производят комическое впечатление. Люди делают три буквы или спорят о том, что первый сказал «Э». Было бы гораздо интереснее, если бы товарищи теоретики, например, подхватили такое явление, как письма коммуниста-хозяйственника, директора завода к своей жене, опубликованные «Известиями», и раскрыли эти замечательные человеческие документы с точки зрения принципиальных особенностей литературного метода социалистического реализма. Это, конечно, труднее, чем цитировать мысли Гете с популярными комментариями, но зато какая тема, какой материал!

Недавно интересную мысль высказал Алексей Николаевич Толстой о нашей пролетарской интеллигенции. «Эти люди с большим жизненным опытом, которого не имел интеллигентный человек старой России, в подавляющем большинстве они вышли из заводов и рабочих семей и не порвали с заводами и семьями, а возвращаются туда же. Покажу, — говорит Алексей Николаевич, — и эмоции какие-то другие, чем эмоции понятных нам интеллигентов. Их птниками, дуэлянтами и запахом сена не возмущает». «То-есть птички и дуэлянт, — говорит он, — остаются, по сути, еще какие-то вещи, которые возбуждают их эмоции, а вот какие — писателю надо знать. А то будешь смешным и старомодным». «Птички и запахи сена» — тут возникает вопрос об эстетике. Я знаю, что, зритель жаждет красивых, радостных, эстетических вещей, но я не знаю эстетики моего зрителя. Что такое, почему так бездонна любовь в наших пьесах? Офелия у нашей средней интеллигентной девушки, конечно, вызывает улыбку. Но вот ханжамство, как известно, перенесена Гамлета, за одно «перенесения» и Офелия. Получилось очень плохо, если не сказать больше.

У нас просто не принято занимать классическим обществом — вот что создает новый этап в драматургии и ликует ей залу. Совершенно естественно, почему тема социалистического сотрудничества вызывает такой богатый рост жизнерадостных, веселых, юмористических жанров. И по этой же причине смех, который сейчас громко раздаётся в артелях зазавских театров, имеет иное, социальное качество, чем смех старого комедийного репертуара. О юморе Гоголя можно сказать, что он добротный, лирический, любовный, но при этом вы никогда не вспомните Диккенса, а юмор Диккенса тоже лирический, любовный, но то юмор буржуазного «семейного очага», теплота, создаваемая рождественской елкой в уютном «кругу семьи», за пределами которого холод, чужие, враги. Гоголевский юмор имеет иной социальный коэффициент. Это юмор «своего дома», расширенного до понятия большого человеческого коллектива. Это юмор, для которого требуется пространство, воздух, перемена мест, неожиданные пейзажи, неожиданные встречи, разнообразнейшие люди, сталкиваемые вместе. То же типа юмор проливается в «Бойцах» Ромашова, в пьесе Вазисского «Мобилизация чувств», в пьесе «Время, вперед» В. Катаева, в комедии Фурманского «Манчжурия-Рига», у Шкваркина в «Чужом ребенке», во «Взоре» Финна и так далее и тому подобному.

Смех как оружие борьбы со старыми собственническими пережитками в сознании людей, юмор как дружба, как самочувствие людей, занятых общим делом, как признак победы — важнейший симптом, создающий стиль социалистического театра.

Эту точку на советском материале тоже предпочли наши авторы. Дальнейшее — творческая деятельность людей, освобождающихся от своих врагов, — чересчур мало интересовала драматурга. Сейчас это дальнейшее начинает заинтересовывать в высокой степени.

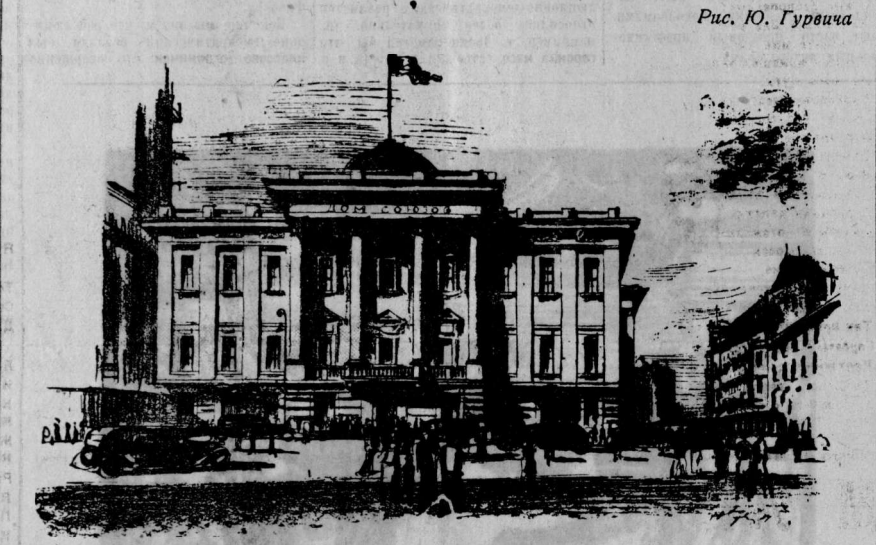
Важнейшее, к чему сейчас привлекает внимание драматургия, — это социалистическое сотрудничество людей, занятых строительством. Старая драма выражала и стимулировала пафос индивидуализма, индивидуалистического накопления. «Пафос освоения новых заводов» (Сталин) — вот та тенденция, которая начинает увлекать советский театр. Выдающейся темой становится тема дружбы людей, захваченных высокой целью создания. Успех первой пятилетки, осуществляемая сейчас вторая пятилетка, пятилетка построения бес-

классового общества — вот что создает новый этап в драматургии и ликует ей залу.

Совершенно естественно, почему тема социалистического сотрудничества вызывает такой богатый рост жизнерадостных, веселых, юмористических жанров. И по этой же причине смех, который сейчас громко раздаётся в артелях зазавских театров, имеет иное, социальное качество, чем смех старого комедийного репертуара.

О юморе Гоголя можно сказать, что он добротный, лирический, любовный, но при этом вы никогда не вспомните Диккенса, а юмор Диккенса тоже лирический, любовный, но то юмор буржуазного «семейного очага», теплота, создаваемая рождественской елкой в уютном «кругу семьи», за пределами которого холод, чужие, враги. Гоголевский юмор имеет иной социальный коэффициент. Это юмор «своего дома», расширенного до понятия большого человеческого коллектива. Это юмор, для которого требуется пространство, воздух, перемена мест, неожиданные пейзажи, неожиданные встречи, разнообразнейшие люди, сталкиваемые вместе. То же типа юмор проливается в «Бойцах» Ромашова, в пьесе Вазисского «Мобилизация чувств», в пьесе «Время, вперед» В. Катаева, в комедии Фурманского «Манчжурия-Рига», у Шкваркина в «Чужом ребенке», во «Взоре» Финна и так далее и тому подобному.

Смех как оружие борьбы со старыми собственническими пережитками в сознании людей, юмор как дружба, как самочувствие людей, занятых общим делом, как признак победы — важнейший симптом, создающий стиль социалистического театра.

СЕГОДНЯ В 6 ЧАСОВ ВЕЧЕРА В ДОМЕ СОЮЗОВ ОТКРЫВАЕТСЯ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ГЕРОИ И ОБРАЗЫ

Н. ПОГОДИН

К съезду писателей написано много статей о драматургии. За немногими исключениями все эти статьи написаны в наставническом тоне, в папашинском тоне, в сожалеющем, прочно укоренившемся в особенности в критических статьях о драматургии. То ли драматургия — младшее и неразвитое дитя в литературной семье, то ли от извистного ревения помочь драматургии люди хотят во что бы то ни стало подогнать драматургию, подогнать, подогнать... Здесь умно и принципиально важно привести чрезвычайно типичное высказывание одного нашего крупного критика драмы.

Вот как он объясняет всем известное наше отставание от действительности:

«С точки зрения времени опыт наших драматургов чрезвычайно мал, почти ничтожен. — Он ограниченается десятилетиями годами революций. Но с точки зрения содержания этих лет это опыт небывалый и традиционный. И только драматургия и недремлющее внимание драматургов, только тем, что они в значительной своей части еще не опираются на богатствами большого искусства, приспосабливая создавать монументальные запоминающиеся вещи только потому, что они еще не поразили окончательно с ремесленничества своего дела или цеховостью своего ремесла, — только этим можно объяснить, что до сих пор герои нашего времени выглядят в пьесах еще бледно и неграмотно...»

Как отнесется к такому утверждению? Если отнесется серьезно, то, конечно, претендовал автор, что это будет та же самая, а если хотите, грозное предупреждение. Оказывается, значительная часть драматических писателей ленина и неопытности к строительству социалистической страны, они просто не желают заниматься подлинным делом и, замкнувшись в своем цехе, как бы поговору, дают пренебрежительно низкую продукцию.

Нельзя серьезно относиться к этим утверждениям, хотя они без всяких оснований печатаются в нашем единственном драматургическом журнале и повторяются в книге, вышедшей к съезду.

Нельзя сколько-нибудь серьезно говорить по этому поводу, и если бы

это утверждение не было квинтэссенцией типичности для нашей драматургической критики «в значительной ее части», то и не стоило бы здесь приводить этих высказываний.

В нашей драматургии шли и идут, то затухая, то снова вспыхивая, какие-то споры.

Споры ничего общего с групповыми не имели и не имеют природы этих спор, тенденция их, чтобы они завели нас в групповую драку. Было бы очень смешно, если бы мы между собой спорили о том, кто из нас лениннее. Нет, мы спорим о том, как раскрыть до предельной глубины то лучшее, что происходит в человеке в результате перестройки жизни.

И тут мы никак не приемлем спокойствия. Тут мы страшно беспокойны. И хотим такой же беспокойной помощи, страсти, споров, жизни вокруг этой работы, а не тех деклараций, которыми мы обмениваемся через печать, или благочестивых пожеланий не лениться.

Мир, тишина, спокойствие, бесстрашие, казенщина, чиновничий стиль, — вот что характеризует нашу критику и ту, с которой имеет непосредственное соприкосновение писатель для театра.

Жизнь и продолжает жить, восторженный и критический — это значит — «осторожно, открыто». К данному писателю нельзя прилагать, потому что «осторожно, открыто». Оперативность — вот чего надо требовать от критики. Драматургия наша нуждается не в похвалах и не в добрых напутствиях, а в практической помощи, примерами которой дают последние статьи А. М. Горького. Нужно решительно, каменным железом вытравлять из критики все элементы, которые основаны на привычке «выругать или похвалить». Это не наш, не советский, не социалистический метод. Наша литературная работа в наших советских условиях есть непрерывное, постоянное социалистическое соревнование, а не конкуренция одиночек, групп, журналов, издательств, театров за место в жизни, за деньги, за славу.

Перед драматургией и театром сто-

ся такими вопросами. (Не принято было заниматься в своеобразием языка). Любовь, радость, красота, наслаждение — тоже беспримесные категории. Кто сказал? Никто. В том то и дело, что никто этого не сказал, что это глупость, но наша литературная практика такова, что будто бы это действительно кто-то сказал. Впрочем, в прошлом году в драматургии было что-то такое вроде отороченной «кампании по любви». Впрочем, есть такое произведение: «Любовь и чай». Само название пьесы показывает, что любовь улавлена с чужой проблемой. Это очень показательно — увязывание любви, в данном случае чай, но могло быть и другое, например, любовь. Магнитогорск и любовь, и так без конца — по слову «и» сплелся рукав». А в самой действительности есть «что-то», где без «привязывания» люди любят, где любовь неотрывна от всех существующих человеческих страстей и борьбы, где в едином походе, в ползании морях рождаются Карены, где коммунисты-директора умеют насыть такие замечательные письма, какие мы прочли в «Известиях».

И тут действительность для нас — все. Можно назвать это фактивизмом, очеркизмом, как угодно, но жизнь будет идти вперед, люди будут меняться, сознание будет догонять экономку, язык, эстетика, любовь, дружба, яванность, вражда, героизм, подлость, — все это и многие категории переделываются и становятся в новом, никогда не виданном качестве. Герои чеховские, герои летичи не явились к нам «из далеких стран». Они люди нашей страны, и многие из них молодые люди. Это опять-таки чрезвычайно важно знать и раскрыть с позиций социалистического реализма. Мы сейчас говорим на нашем деловом, профессиональном языке. Вот перед нами материал биографии героя Советского союза летчика Молокова. Сирота, летчик, углубленный хобби. Все ясно. Эта тема имеет неисчислимое количество вариантов, она нас ведет к классической Золушке и Кордону, милохому зайчик «Гамлета», повелит через весь Островский, познакомит с Жюльеном из романа «Красное и черное». Стендаля... повторю, мелодия, оттенки, вариации неслучайны. Но биография сироты Молокова, сделавшись героем, известным всему миру, для вдумчивого художника даст такой материал, который можно раскрыть

только методами социалистического реализма, ибо биография миллионов наших Молоковых это и есть социалистический реализм.

Вот другая биография «сироты». Независимо посетили пилотаж, ты-работчик Электрозавода, которые начинались летать, не бросая завода. Комсомолец-сирота с семилетним стажем рассказав очень коротко:

«Я превратился в пилота из бедного призрака. Отец мой умер в 1917 году, когда мне было 7 лет. Взял меня в себе дядя, но я убежал от него, так как в этот год ударил неурожай и дядя держал меня впроголодь. (Все есть, как видите — сиротство, ляд... бедность...). Потом я попал в коммуны им. ОПУ (и вот тут уже начинаются мои мотивы), оттуда меня скоро послали в школу ФЗУ Люберецкого завода. Самолет я увидел впервые в Сталинграде, где я работал на монтаже Тракторного завода.

— Что это за люди, которые летают? — думал я. — А если бы я? Неужели не научился бы? И упорно решил: буду летать.

Вскоре я поступил в «Электрозавод», записавшись в летную школу и вчера окончил ее с отметкой «хорошо». И тут действительность для нас — все. Можно назвать это фактивизмом, очеркизмом, как угодно, но жизнь будет идти вперед, люди будут меняться, сознание будет догонять экономку, язык, эстетика, любовь, дружба, яванность, вражда, героизм, подлость, — все это и многие категории переделываются и становятся в новом, никогда не виданном качестве. Герои чеховские, герои летичи не явились к нам «из далеких стран». Они люди нашей страны, и многие из них молодые люди. Это опять-таки чрезвычайно важно знать и раскрыть с позиций социалистического реализма. Мы сейчас говорим на нашем деловом, профессиональном языке. Вот перед нами материал биографии героя Советского союза летчика Молокова. Сирота, летчик, углубленный хобби. Все ясно. Эта тема имеет неисчислимое количество вариантов, она нас ведет к классической Золушке и Кордону, милохому зайчик «Гамлета», повелит через весь Островский, познакомит с Жюльеном из романа «Красное и черное». Стендаля... повторю, мелодия, оттенки, вариации неслучайны. Но биография сироты Молокова, сделавшись героем, известным всему миру, для вдумчивого художника даст такой материал, который можно раскрыть

только методами социалистического реализма, ибо биография миллионов наших Молоковых это и есть социалистический реализм.

Вот другая биография «сироты». Независимо посетили пилотаж, ты-работчик Электрозавода, которые начинались летать, не бросая завода. Комсомолец-сирота с семилетним стажем рассказав очень коротко:

«Я превратился в пилота из бедного призрака. Отец мой умер в 1917 году, когда мне было 7 лет. Взял меня в себе дядя, но я убежал от него, так как в этот год ударил неурожай и дядя держал меня впроголодь. (Все есть, как видите — сиротство, ляд... бедность...). Потом я попал в коммуны им. ОПУ (и вот тут уже начинаются мои мотивы), оттуда меня скоро послали в школу ФЗУ Люберецкого завода. Самолет я увидел впервые в Сталинграде, где я работал на монтаже Тракторного завода.

— Что это за люди, которые летают? — думал я. — А если бы я? Неужели не научился бы? И упорно решил: буду летать. Вскоре я поступил в «Электрозавод», записавшись в летную школу и вчера окончил ее с отметкой «хорошо». И тут действительность для нас — все. Можно назвать это фактивизмом, очеркизмом, как угодно, но жизнь будет идти вперед, люди будут меняться, сознание будет догонять экономку, язык, эстетика, любовь, дружба, яванность, вражда, героизм, подлость, — все это и многие категории переделываются и становятся в новом, никогда не виданном качестве. Герои чеховские, герои летичи не явились к нам «из далеких стран». Они люди нашей страны, и многие из них молодые люди. Это опять-таки чрезвычайно важно знать и раскрыть с позиций социалистического реализма. Мы сейчас говорим на нашем деловом, профессиональном языке. Вот перед нами материал биографии героя Советского союза летчика Молокова. Сирота, летчик, углубленный хобби. Все ясно. Эта тема имеет неисчислимое количество вариантов, она нас ведет к классической Золушке и Кордону, милохому зайчик «Гамлета», повелит через весь Островский, познакомит с Жюльеном из романа «Красное и черное». Стендаля... повторю, мелодия, оттенки, вариации неслучайны. Но биография сироты Молокова, сделавшись героем, известным всему миру, для вдумчивого художника даст такой материал, который можно раскрыть

стать добрым куриным захлопом («Часовник и курица»). Что плохого в том, если жена бросит маленького ребенка, улетит и вернется по-молочнее, красивой, пахнущей духами, а муж сопьется? («Страх»).

Буквально в каждой нашей пьесе можно найти множество таких ситуаций, которые, даже взятые сами по себе, ассоциируются прямо и резко с ситуациями и коллизиями буржуазной драмы. Скажем так: «И пусть себе ассоциируются, лишь бы суть дела была нашей, мы не сектанты, чтобы отвергать и отбрасывать все, что выдумано не нами». Но вот, когда эти коллизии являются в пьесе, где «суть дела наша», где мы утверждаем наши социалистические идеи и раскрываем наши социалистические явления, — эти коллизии истинно, резко и обязательно обединяют наши идеи и явления, обоготворяют наш реализм.

Основная задача нашей советской драматургической литературы — это полное освобождение от рецидивов буржуазного реализма, это окончательное уничтожение того мертвого, что хлещет за горло живого. Перед нами встают темы и сюжеты о людях, для которых органически неотделимы буржуазный старт жизни и эксплуатация, перед нами встают темы и сюжеты о людях нашей деревни, которые не знают, что такое крестьянский двор во всем исполном его значении, что такое власть двора, общины, мира, что такое свое поле, перед нами встают темы и сюжеты, которые по своему существу и по форме своих произведений ничего общего не могут иметь с темами и сюжетами буржуазного мира.

Наша драматургическая литература идет по этому пути. Процесс передела к высшим формам социалистического реализма пойдет все скорее и скорее вперед потому, что, говоря условно, «мы прошли свой пусковой период». У каждого из писателей имеются свои кривые роста или свивжений, но общий процесс идет вверх. Каждый начинающий советский драматург уже не будет начинать с тех людей, с каких приходилось начинать многим из наших драматургов. Во-вторых, наша драматургическая литература не может быть рассматриваемой в отрыве от общего культурного роста страны. А в третьих, наша действительность все больше и больше обособляется, очищается от того, что мы называли рецидивами буржуазного реализма, например фаттиги, лаванды, героики, лаванды, лаванды по содержанию, а не по форме.